

УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ
В ЛИТЕРАТУРЕ XX–XXI ВВ.
UTOPIA AND DYSTOPIA
IN THE LITERATURE OF THE 20th–21st CENTURIES

DOI 10.15826/izv2.2023.25.4.061
УДК 82.09:801.73 + 82-1/-9 + 1:304.9

А. В. Амелина
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ
ЛИТЕРАТУРНОЙ УТОПИИ И АНТИУТОПИИ
(к проблеме идентификации жанров)**

В статье рассматриваются теоретические проблемы изучения литературной утопии и антиутопии. Поскольку утопия и антиутопия существуют далеко за пределами художественной литературы, к анализу произведения предлагается подходить как к частному случаю проявления универсальной модели утопического / антиутопического сознания. В первую очередь, в рассматриваемых текстах следует выявлять их элементы с опорой исследования по социальной философии — структура утопического сознания обобщенно представлена в статье, а структура антиутопического — выводится автором статьи по аналогии. Если в произведении наблюдаются признаки утопического или антиутопического сознания, то следующим этапом работы с текстом призвано стать сопоставление его жанровых признаков с устоявшимся жанровым инвариантом, выработанным литературоведами — соответствующие условно универсальные жанровые модели утопии и антиутопии также представлены в статье. Такой подход позволяет, во-первых, обоснованно отнести произведение к (анти)утопиям при наличии признаков (анти)утопического сознания, во-вторых, расширить корпус текстов, которые можно считать утопиями или антиутопиями, и наконец — зафиксировать индивидуальные жанровые признаки и соотнести их с инвариантом. Предлагаемый метод является особенно продуктивным при изучении периода формирования жанра литературной антиутопии, т. е. первых десятилетий XX в., когда в национальных литературах разброс жанровых признаков очень велик, и помогает в полной мере проследить формирование национального инварианта жанра и выявить его национальную специфику. В то же время разрушенный к XX в. жанр «классической утопии» постепенно перерождается и значительно модифицируется под влиянием романной формы, поэтому идентификация и анализ литературной утопии становятся затруднительными — в этой ситуации

© Амелина А. В., 2023

рассмотренное совмещение философского и литературоведческого методов также представляется эффективным.

Ключевые слова: утопия; утопизм; антиутопия; дистопия; утопическое сознание; антиутопическое сознание; литературные жанры

Цитирование: Амелина А. В. Теоретический аспект изучения литературной утопии и антиутопии (к проблеме идентификации жанров) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 77–91. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.061>

Поступила в редакцию: 18.06.2023

Принята к печати: 24.10.2023

Anna V. Amelina

*Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

**THEORETICAL ASPECT OF STUDYING
THE LITERARY UTOPIAS AND DYSTOPIAS
OF THE FIRST DECADES OF THE 20th CENTURY
(on the genre identification problem)**

This article examines the theoretical problems of studying literary utopias and dystopias. Since utopia and dystopia exist far beyond fiction, it is proposed to approach the analysis of a literary work as a particular case of the manifestation of a universal model of utopian/dystopian consciousness. First, in the texts under consideration, their elements should be identified with the support of research in social philosophy – the structure of utopian consciousness is outlined in the article, and the structure of dystopian consciousness is derived by the author of the article by analogy. If a work shows signs of utopian or dystopian consciousness, the next step in working with the text is to compare its genre features with the established genre invariant developed by literary critics. The article also presents the corresponding conditionally universal genre models of utopia and dystopia. This approach allows, firstly, to reasonably attribute the work to utopias and dystopias in the presence of signs of utopian or dystopian consciousness, secondly, to expand the body of texts that can be considered utopias or dystopias, and, finally, to fix individual genre features and correlate them with the corresponding invariant. During the formation of the genre of literary dystopia, i.e. in the first decades of the twentieth century, when the diversity of genre features in national literatures was extensive, this algorithm helps to fully trace the formation of the national invariant of the genre and establish its national specifics. At the same time, destroyed by the twentieth century, the genre of “classical utopia” is reborn and significantly modified under the influence of the novel form, so the identification of literary utopia becomes difficult – in this situation, the combination of philosophical and literary methods considered in the article also seems productive.

Keywords: utopia; utopianism; dystopia; utopian consciousness; dystopian consciousness; literary genres

For citation: Amelina, A. V. (2023). Teoreticheski aspekt izucheniia literaturnoi utopii i antiutopii (k probleme identifikatsii zhanrov) [Theoretical Aspect of Studying the Literary Utopias and Dystopias of the First Decades of the 20th Century (on the Genre Identification Problem)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(4), 77–91. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.061>

Submitted: 18.06.2023

Accepted: 24.10.2023

Авторы многочисленных исследований по утопии рассматривают ее с разных точек зрения: философской, социологической, психологической, эстетической и др. По такому обилию различных трудов становится очевидно, что данный феномен требует междисциплинарного подхода, при этом связующим звеном призвана выступать философия, способная выстроить универсальную структурную модель этого сложного явления, которая в свою очередь позволит более продуктивно изучать его литературные проявления.

Можно выделить две ипостаси утопии: первая — определенный тип сознания, т. е. тип видения человеком окружающего мира [Баталов, с. 6], вторая — непосредственное воплощение утопического сознания в форме: 1) корпуса текстов, составляющих определенный литературный жанр или жанр социальной мысли (социально-философской трактат, публицистика), а также других форм образного представления идеального общества (архитектура, кино и др.); 2) социального феномена, т. е. практической стороны утопии, связанной с ее реализацией.

Утопия как тип сознания. Отечественными философами, с опорой на труды иностранных ученых, структура утопического сознания довольно подробно и убедительно разработана.

Выделим основные его черты:

1. Утопия ориентирована на общественный идеал, в отличие от науки, которая ищет истину; идеал утопии трансцендентен, он находится за пределами действительного и возможного [Черткова, 1996, с. 162–163], и в отличие от идеала художественного, нравственного и пр., утопический идеал, невзирая на изначальную невозможность, может отождествляться с понятием цели [Там же, с. 175].

2. В утопии происходит тотальное отрицание настоящего (т. е. существующего общественного устройства), вызванное преимущественно разного рода социальными катаклизмами, и наблюдается стремление к социальной гармонии [Там же, с. 158].

3. Утопия проективна — утопист убежден в пластичности мира [Там же, с. 160] и демонстрирует произвольность выбора средств и путей реализации [Сизов, с. 25].

4. Утопия исходит из веры в могущество человека, в способность человека придать миру нужный ему вид, т. е. наделяет его функцией, которой в религии обладает только Бог-творец [Шацкий, с. 148; Павлова, 2004, с. 151].

5. Человек в утопии представлен как исключительно рациональное, поддающееся управлению утопистом существо с превалированием в нем разума [Черткова, 1995, с. 314].

6. Утопия демонстрирует веру в возможности человеческого разума при некритической форме рационализма, она не способна к критическому отношению к своему собственному основанию [Черткова, 1996, с. 170; Кирвель, 2000, с. 86].

7. Утопия стремится не улучшить положение отдельных людей, а осчастливить все человечество [Черткова, 1996, с. 166; 1993, с. 75], интересам отдельной личности утопия предпочитает интерес общественный.

8. Мир утопии — не продолжение настоящего, а его альтернатива [Черткова, 1995, с. 310], с этим связан антиисторизм, в частности, проявляющийся в статичности общества, которое достигло своего идеала, вершины развития; антиисторизм влечет за собой неспособность предсказать последствия утопических проектов [Сизов, с. 17] и предполагает вневременной характер утопии; утопист, как правило, не принимает во внимание переходный этап к утопии [Там же, с. 22].

9. Утопическое сознание предполагает «факторность»: в реальной действительности утопист видит только отрицательные ее стороны, а в идеальном обществе присутствуют только положительные, произвольно выбранные характеристики, которые «работают» на идеал автора утопии [Баталов, с. 21–22].

10. В утопии проявляется наследие мифологического сознания — она основана на стремлении к гармонизации хаоса через политическое насилие [Там же, с. 47].

11. Важную роль в создании утопического конструкта играет образная форма выражения. Даже тогда, когда утопия выступала в виде социального трактата или концепции, она неизменно тяготела к образно-художественному восприятию мира [Кирвель, 1989, с. 27].

12. Поскольку утопия исходит из несовершенного настоящего, несмотря на существование общей универсальной структуры — утопического сознания, утопия является категорией исторической, потому как утопические взгляды становятся понятны только в историческом контексте [Шацкий, с. 45].

13. Утопия тяготеет к эксперименту, сконструированное идеальное общество должно быть, или даже запрограммировано на то, чтобы утопия была проверена на практике, в том числе художественной [Павлова, 2004, с. 46]; вне зависимости от намерений авторов [Черткова, 1996, с. 176], попытка реализовать утопию может быть предпринята в определенных обстоятельствах.

Философские основы изучения антиутопического сознания. Антиутопия, в отличие от утопии, исследована не так хорошо и требует еще значительного осмысления в рамках, прежде всего, философии. Как правило, под антиутопией понимаются преимущественно литературные вариации критики утопии, однако есть ряд работ, где антиутопия так же, как и утопия, рассматривается учеными в качестве отдельного типа сознания [Брега; Черепанова; Лысенко]. С. С. Брега, к примеру, в своей диссертации выделяет основные принципы конструирования антиутопии как типа сознания: рационалистичность, максималистичность,

отрицание всего, что не подходит под утверждаемый антиидеал, догматичность, террористичность, иезуитизм, стирание всех различий в окружающей конкретной действительности. Автор отмечает, что антиутопия, помимо бытования в форме жанров искусства, выступает и как социальная практика, которая может использоваться для контроля массового сознания и влияния на образ государства [Брега, с. 14]. Шацкий, например, признает, что в основе утопии и антиутопии лежит один и тот же способ видения мира [Шацкий, с. 162], и утверждает, что антиутопия может быть представлена и в публицистике (приводит один пример). В связи с вышесказанным остается констатировать, что формы воплощения антиутопии как отдельного типа сознания требуют дальнейшего исследовательского изучения философией.

Под антиутопией часто понимают явления двух видов: изображение антиидеального общества, являющегося результатом развития существующих тенденций современной автору действительности, или критику конкретного утопического проекта [Душенко, с. 144]. Отметим, что в первом случае, по сути, речь идет об отрицании утопии в целом, об утверждении принципиальной невозможности построить счастливое, идеальное общество — существующий социум предстает абсолютным злом, антиидеалом, и антиутопия доводит до абсурда или просто до логической завершенности совокупность тех или иных социальных явлений, представляющихся автору негативными.

Не претендуя на полноту в условиях отсутствия необходимой научной базы и опираясь на основные элементы утопического сознания, попытаемся сравнить его с антиутопическим.

1. Антиутопия вместо опоры на общественный идеал исходит из полного его отрицания (будь то какой-то конкретный или идеал как таковой). Если утопический идеал обладает потенциалом превращения в цель, то антиидеал, напротив, конструируется для того, чтобы никогда не осуществиться.

2. Если утопия полностью отрицает настоящее, создавая ему альтернативу, ориентируемую на будущее, то антиутопия, напротив, отвергает саму возможность счастливого будущего.

3. Если утопия наделяет человека ролью Бога-творца, способного придать миру нужный ему вид, то антиутопия опровергает такие способности человека, демонстрируя стихийность и непредсказуемость развития общества под влиянием действий отдельных неподконтрольных системе лиц.

4. Если в утопии человек представлен как исключительно рациональное управляемое существо, то в антиутопии делается акцент на естественную, чувственную или иногда даже звериную природу человека (о зверином начале в антиутопии см.: [Шишкина, с. 93, 100–101]), которая делает его неуправляемым со стороны рационально построенной системы.

5. Так же, как и утопия, антиутопия в своей критике чужого социального идеала не способна к критическому отношению к своему собственному основанию.

6. Если утопия стремится принести счастье всем людям, объединенным в социум, то антиутопия, напротив, ставит во главу угла счастье, судьбу

отдельной личности (этот пункт, однако, как мы полагаем, возник лишь в процессе эволюции антиутопии).

7. Если утопия антиисторична и статична в своем совершенстве, то антиутопия, напротив, динамична — погружая критикуемый идеал в исторический процесс, она способна предсказать его последствия [см., например: Шишкина, с. 157–158].

8. Если утопист убежден в пластичности, податливости мира, то автор антиутопии, наоборот, фаталистически убежден в тщетности приведения мира к идеалу (ср. противопоставление принципа надежды утопии и принципа отчаяния антиутопии: [Кирвель, 1989, с. 171]).

9. Если в идеальном обществе утописта присутствуют только положительные, произвольно выбранные характеристики, которые «работают» на идеал автора утопии, то в антиутопии, напротив, присутствуют лишь отрицательные черты [Шацкий, с. 160–176]. Тем самым «факторность» присуща и утопии, и антиутопии.

10. Если утопия стремится к гармонизации хаоса через политическое насилие, то антиутопия ниспровергает утопический космос и снова погружает мир в хаос, возвращая его к реальности исторического развития.

11. В утопии важную роль в создании конструкта играет образная форма выражения, в антиутопии эта роль многократно усиливается; учитывая динамизм и историзм антиутопии, ее продуктивное существование за пределами жанров искусства едва ли возможно (вопрос компьютерных игр в этой связи требует отдельного изучения).

12. Антиутопия, как и утопия, безусловно, тоже является исторической категорией и подвержена влиянию эпохи, а потому отражает и конкретные этапы развития человеческой мысли, в частности — она испытывает непосредственное влияние современных ей утопических идей.

13. Если утопия тяготеет к эксперименту и реализации на практике (в том числе в рамках художественной действительности), то антиутопия без этого уже почти не может обойтись, поскольку ее цель — продемонстрировать последствия утопии и дать наглядное изображение антиидеала.

Начало **литературной утопии** исследователи видят в разных эпохах. Одни ученые [см., например: Паниотова, с. 103; Шишкина, с. 11; Лисюткина, с. 101] считают исходной точкой жанра платоновские описания острова Атлантиды, полагая, что в результате кризиса эллинизма происходит разрыв утопической литературной традиции вплоть до Томаса Мора, мы, в свою очередь, добавим, что в античности существовали уже утопические романы-путешествия (например, «Острова солнца» Ямбула), которые с точки зрения жанра оказали влияние как на Мора, так и на более поздних утопистов. Другие исследователи [Шадурский; Павлова, 2004, с. 7–8; и др.] начинают «отсчет» с «Утопии» Мора. Исследователями литературной утопии выделяется ряд ее константных жанровых признаков:

- 1) рамочная композиция «текст в тексте»;
- 2) действие незначительно или сюжет отсутствует;

- 3) риторический диалог имеет сюжетобразующую функцию;
- 4) нарратором выступает реальный житель утопического государства [Павлова, 2004, с. 7];
- 5) утопический мир пространственно изолирован и недоступен, границей может выступать лабиринт, непроходимый лес, обряд инициации [Паниотова, с. 140];
- 6) мотив путешествия в литературной утопии является системообразующим и восходит к мифу о разрушении и возрождении космоса [Павлова, 2004, с. 136];
- 7) жизнь регламентирована и ритуализирована;
- 8) присутствует культ мудрого правителя;
- 9) отсутствуют разработанные характеры и персонажи, главный герой — наблюдатель, путешественник, которого сопровождает проводник (с развитием утопии роль наблюдателя активизируется и превращается в самостоятельное действующее лицо);
- 10) сюжет бесконфликтен, поскольку идеал достигнут;
- 11) превалирует описательность;
- 12) наблюдается особая пространственно-временная организация: время в утопии застыло, оно статично (пп. 7–12 см.: [Ануфриев, с. 42–54]).

Антиутопия сопровождает утопию на протяжении всей истории ее существования, это относится и к художественной литературе. Литературоведы не пришли к единому мнению о том, когда же зародилась **литературная антиутопия**. Если мы рассматриваем любое произведение с антиутопическим наполнением, то такие явления есть уже в античности, а если речь идет о конкретном жанре романа-антиутопии в современном понимании, то мы склонны утверждать, что он зародился лишь в XX в.¹ Первая волна романа-антиутопии наблюдается после Первой мировой войны, в качестве архетипа романа-антиутопии, как правило, приводится «Мы» Е. И. Замятина, он же, в свою очередь, считал своим предшественником и родоначальником жанра Г. Уэллса [см. об этом: Черткова, 2021, с. 34]; антиутопии О. Хаксли в свою очередь рассматривают как полемику с утопиями Уэллса [Кагарлицкий, с. 300; Черняева, Заманова, с. 179], также есть мнение, что романы Уэллса и Лондона начинают закреплять жанр антиутопии с напряженным и печальным финалом [Иванова, с. 399].

Исследователи выделяют характерные константные признаки романа-антиутопии², часть из них он перенял из литературной утопии с той или иной степенью трансформации:

¹ Обзор подходов к изучению литературной антиутопии можно найти здесь: [Покотыло].

² Крупный исследователь антиутопии С. Г. Шишкина в своих работах, основанных на изучении английской литературы, выводит ряд стойких типологических признаков литературной антиутопии, которые, по ее мнению, носят интернациональный характер [Шишкина, с. 199]. Выделяя ниже константные признаки романа-антиутопии, мы опираемся на работы по англо-американской и русской антиутопии, беря эти разновидности, таким образом, за основу жанра как общеевропейского явления, тем не менее, мы признаем неполноту такого подхода.

1) композиция «текст в тексте» часто сохраняется³, нередко наблюдается дневниковая форма; вместо рассказа о путешествии классической позитивной утопии, призванного убедить читателя в достоверности истории, используются разного рода стилизации и иносказания;

2) в отличие от утопии, в антиутопии присутствует ярко выраженный сюжет с ключевыми эпизодами: встречи с любимой, сцена гражданского неповиновения, спор с идейным антагонистом, трагический финал, констатирующий поражение героя, с элементами сюжетной схемы детектива — преследование, погоня, арест, допрос [Сабинаина, с. 11–12];

3) к моменту формирования жанра риторический диалог в качестве сюжетообразующего элемента себя по большей части изжил, сохраняясь, впрочем, порой в качестве элемента вставного;

4) система нарративов значительно усложняется, появляется повествование от первого лица;

5) сохраняется пространственная изолированность;

6) мотив путешествия сохраняется в качестве системообразующего, однако оценка описываемого мира — однозначно негативная;

7) сохраняются регламентация жизни и ритуализация, однако изображаются они с использованием гротеска, подчеркивающего иррациональность устройства мира [Павлова, 2006, с. 18];

8) вместо мудрого правителя появляется тиран, создавший тоталитарную систему управления;

9) усложняется система персонажей, появляется психологизация изображения главных героев; герои группируются в два лагеря — мощный, вооруженный средствами убеждения и принуждения лагерь защитников режима и немногочисленный, разобщенный лагерь хранителей связи времен, уничтоженной духовной традиции [Сабинаина, с. 13], лирическая доминанта — женские образы с символическим значением [Там же, с. 19], гид, проводник путешественника является противником идей социума, часто это любимая женщина, у героя нередко бывает двойник [Там же, с. 15];

10) появляется конфликт личности и общества; сюжет отражает формирование личностного самосознания главного героя, вычленение им индивидуального «я» из деперсонифицированного пространства «мы» [Шишкина, с. 216];

11) степень описательности значительно уменьшается;

12) застывшее время описываемого общества противопоставляется динамичному времени главного героя, который словно убыстряет время и разрушает социальную систему [Быстрова, с. 7]; несмотря на унаследованную от утопии относительную статичность, в антиутопии присутствует историзм: действие происходит в государствах, переживших социальные революции или

³ Несмотря на то, что в «архетипном» романе «Мы» дневниковая форма является единственным способом повествования, рамочная композиция остается для антиутопий частым жанровым признаком.

освободительные войны, тоталитарный социум в антиутопии часто находится в состоянии развития [Шишкина, с. 216];

13) историческая коллективная, диахроническая память изъята из топоса антиутопии [Там же, с. 217], минимизируется или подвергается значительной идеологической деформации;

14) описание природы подчеркивает обреченность происходящего, природа нередко враждебна человеку [Там же];

15) идея бессилия разума перед животным началом в человеке становится лейтмотивом в литературных образцах XX столетия [Там же];

16) используется особый язык — новояз, отражающий принципы существования общества.

Приступая к исследованию литературной утопии или антиутопии, мы предлагаем воспринимать их как частный случай, как один из вариантов реализации универсальной модели утопического / антиутопического сознания. Это значит, что идя от общего к частному, мы должны рассматривать в первую очередь текст, который предположительно является (анти)утопией, на предмет присутствия в нем признаков утопического / антиутопического сознания, выделенных в философских трудах, — тем самым мы обоснованно определяем принадлежность произведения к утопии или антиутопии⁴. Такой подход позволяет расширить корпус текстов, которые можно считать утопиями или антиутопиями, за счет выхода за рамки жанровых ограничений, установленных в литературоведческих трудах.

При изучении жанров утопии и антиутопии в рамках определенной национальной литературы мы можем использовать структуру (анти)утопического сознания как критерий отбора, затем зафиксировать индивидуальные жанровые признаки произведений и соотнести их с инвариантными литературоведческими жанровыми моделями, выведенными учеными в качестве относительно универсальных жанровых структур утопии и антиутопии, — и таким образом сформулировать национальный инвариант жанра и выявить его специфику.

Этот подход представляется в особенности продуктивным при рассмотрении периода формирования жанра литературной антиутопии, т. е. первых десятилетий XX в. Проблемой исследования романа-антиутопии начала XX столетия является неустойчивость жанра, в связи с чем и в русской [см., например: Тимофеева], и в изучаемой нами чешской литературе наблюдаются

⁴ На наш взгляд, исходя из практики применения метода, мы можем считать достаточным соответствие текста пунктам 1 из списков признаков утопического и антиутопического сознания и непротиворечие остальным пунктам. Кроме того, проблему представляет также то, насколько выражена и распространена в тексте утопическая или антиутопическая идея. В этой связи мы пришли к выводу, что в тех случаях, когда идея не затрагивает композиции произведения, системы персонажей и других принципиальных жанрообразующих компонентов, то мы говорим об (анти)утопии как о вставном элементе, если же для раскрытия (анти)утопической идеи служат главные жанровые признаки, то в такой ситуации мы рассматриваем все произведение как литературную утопию или антиутопию.

существенные отличия жанровых признаков от признанных архетипических моделей и значительная их вариативность от произведения к произведению. При этом антиутопия в это время существует не только как роман, и если поэтика романа-антиутопии относительно хорошо изучена, то исследований других жанровых проявлений антиутопии как самостоятельных явлений с устойчивой структурой как таковых не существует. С этими проблемами сталкиваются исследователи как русской литературной антиутопии (при обращении к этапам становления романа-антиутопии рассказ, как правило, рассматривается как подготовительная стадия, на которой прорабатываются отдельные мотивы [Коломийцева, с. 2; Ануфриев, с. 126–189]), так и чешской, где разнообразие жанровых форм очень значительно и, наряду с рассказами, здесь присутствуют поэзия и драмы с антиутопическим содержанием (всего в чешской литературе нами зафиксировано в первые десятилетия XX в. несколько десятков антиутопических произведений)⁵. В такой ситуации описанный нами принцип позволяет в полной мере проследить формирование национального инварианта романного жанра, зафиксировать его национальную специфику и жанровые инварианты других форм антиутопии.

Представленный подход также видится востребованным при изучении положительной утопии XX в. Разрушенный к началу столетия жанр «классической утопии» постепенно перерождается и значительно модифицируется под влиянием романной формы, поэтому идентификация и анализ литературной утопии становятся затруднительными. Немногие исследователи обращаются к проблеме взаимовлияния литературной и утопической стороны художественных произведений. Е. Ю. Козьмина отмечает деформацию и утопии, и романа при их столкновении и противостоянии, «утопия, включенная в историческое время, предстает в спародированном, перевернутом виде» [Козьмина, с. 7]. На противоречие утопии и романа указывают также Морсон, утверждая, что если европейский роман хорошо приспособлен для передачи иронических и скептических воззрений, утопия наоборот пригодна для ценностных суждений, в неприемлемой для романа степени [Морсон, с. 63–64], и Т. А. Чернышева [Чернышева, с. 323], отмечая также, что «объективно закрепляется тенденция превратить утопию в роман о будущем, в котором непосредственное изображение Утопии подчинено сюжету, повествующему о судьбе героя или единичном событии» [Там же, с. 324]. В изучаемой нами чешской литературе положительная утопия в первые десятилетия XX в. в чистом виде практически не встречается

⁵ Такое многообразие проявлений утопии и антиутопии в разных жанрах литературоведами обозначается специальными терминами: «метажанр» (опираясь на теоретические работы по жанру Н. Л. Лейдермана [Ануфриев, с. 42]) или «третичный жанр» (по аналогии со «вторичным жанром» М. М. Бахтина [Павлова, 2004, с. 15]). Однако какая-то общая структура этих наджанровых образований исследователями не раскрывается, утверждается лишь ее наличие. В нашей работе мы намеренно не используем подобные термины, поскольку рассматриваем эти наджанровые структуры как относительно универсальные формы проявления (анти)утопического сознания.

(за исключением случая одного жанрового анахронизма), выступая, как правило, вставным элементом более сложных романских форм или основой полухудожественных путевых очерков об СССР. При таком положении вещей рассмотренное сочетание философского и литературоведческого методов также представляется эффективным.

Предполагаем, что долговременное применение совмещения двух подходов, философского и филологического, к изучению литературной (анти)утопии в перспективе, с одной стороны, приведет к модификации предлагаемого литературоведами универсального жанрового инварианта, и, с другой стороны, поднимет новые вопросы, касающиеся корреляции определенных жанровых признаков с теми или иными элементами (анти)утопического сознания в произведении.

Исследования

Ануфриев А. Е. Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX в.: Эволюция, поэтика : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. М., 2002.

Баталов Э. Я. В мире утопии: (Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах). М. : Политиздат, 1989.

Брега С. С. Феномен антиутопии в социальных практиках современности: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. М., 2010.

Быстрова О. В. Русская литературная антиутопия 20-х годов XX века: проблема жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 1996.

Душенко К. В. Научная фантастика: современная утопия или история будущего? // Феномен утопии в общественном сознании и культуре / отв. ред. С. А. Гудимова. М. : ИНИОН РАН, 2021. С. 132–164.

Иванова Т. С. От утопии к антиутопии: становление жанра // Вопросы зарубежной филологии в контексте современных исследований : сб. науч. ст. XXX Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2021. С. 397–401.

Кагарлицкий Ю. И. Что такое фантастика? М. : Худож. лит., 1974.

Кирвель Ч. С. Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции. Минск : Университетское изд-во, 1989.

Кирвель Ч. С. Парадоксы утопического сознания // Философский век. Альманах. Вып. 13 : Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб. : Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. С. 84–93.

Козьмина Е. Ю. Поэтика романа-антиутопии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08. М., 2005.

Коломийцева Е. Ю. Формирование жанровой проблематики и поэтики литературной антиутопии в художественной прозе русских писателей XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Ставрополь, 2001.

Лисюткина Л. Л. Дискуссия по проблемам утопии в ФРГ. (Обзор) // Социокультурные утопии XX в. Вып. 4 / отв. ред. В. А. Чаликова. М. : ИНИОН РАН, 1987. С. 98–128.

Лысенко О. А. Переход от утопий к антиутопиям // Национальный форум молодых исследователей : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. Б. Черемисин. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая наука», 2019. С. 148–151.

- Морсон Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы / отв. ред. В. А. Чаликова. М. : Прогресс, 1991. С. 233–251.
- Павлова О. А. Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2004.
- Павлова О. А. Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. Волгоград, 2006.
- Паниотова Т. С. Утопия в пространстве диалога культур. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 2004.
- Покотыло М. В. Жанр антиутопии: современная проблемная парадигма // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. 2012. № 7. С. 167–173.
- Сабина О. Б. Жанр антиутопии в английской и американской литературе 30–50-х годов XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05. М., 1989.
- Сизов С. С. Утопия и общественное сознание: философско-социологический анализ. Л. : Изд-во ЛГУ, 1988.
- Тимофеева А. В. Жанровое своеобразие романа-антиутопии в русской литературе 60–80-х гг. XX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 1995.
- Черепанова Р. С. Утопия и антиутопия: Типология и взаимоотношение // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. 1999. № 1. С. 96–108.
- Чернышева Т. А. Природа фантастики. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984.
- Черняева Ю. Г., Заманова И. Ф. Жанры утопии и антиутопии : генезис и развитие // Донецкие чтения 2021 : образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VI Междунар. науч. конф. (Донецк, 26–28 октября 2021 г.). Т. 4 : Филологические науки. Ч. 1 : Иностранная филология / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк : ДонНУ, 2021. С. 177–181.
- Черткова Е. Л. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71–81.
- Черткова Е. Л. Утопия: ассимиляция будущего или аннигиляция настоящего // Теория познания : в 4 т. Т. 4 / отв. ред. В. А. Лекторский, Т. И. Ойзерман. М. : Мысль, 1995. С. 308–326.
- Черткова Е. Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия / отв. ред. В. А. Лекторский. М. : Росспэн, 1996. С. 156–187.
- Черткова Е. Л. От «государства разума» к «обществу знания». Судьба утопии в современном мире // Утопические проекты в истории культуры : материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / отв. ред. Т. С. Паниотова. Ростов н/Д ; Таганрог : Южный федер. ун-т, 2021. С. 29–37.
- Шадурский М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: проблемы жанровой поэтики и семиосферы. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
- Шацкий Е. Утопия и традиция. М. : Прогресс, 1990.
- Шишкина С. Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иваново, 2009.

References

- Anufriev, A. E. (2002). *Utopiia i antiutopiia v russkoi proze pervoi treti XX v.: Evoliutsiia, poetika* [Utopia and Dystopia in the Russian Prose of the First Third of the 20th Century: Evolution, Poetics] (doctoral dissertation). Moscow.
- Batalov, E. Ya. (1989). *V mire utopii: (Piat' dialogov ob utopii, utopicheskom soznanii i utopicheskikh eksperimentakh)* [In the World of Utopia: (Five Dialogues about Utopia, Utopian Consciousness and Utopian Experiments)]. Moscow: Politizdat.

Brega, S. S. (2010). *Fenomen antiutopii v sotsial'nykh praktikakh sovremennosti: sotsial'no-filosofskii analiz* [The Phenomenon of Dystopia in the Social Practices of Our Time: A Socio-Philosophical Analysis] (doctoral dissertation abstract). Moscow.

Bystrova, O. V. (1996). *Russkaia literaturnaia antiutopiia 20-kh godov XX veka: problema zhanra* [Russian Literary Dystopia of the 1920s: The Problem of the Genre] (doctoral dissertation abstract). Moscow.

Cherepanova, R. S. (1999). Utopiia i antiutopiia: Tipologii i vzaimootnoshenie [Utopia and Dystopia: Typology and Relationship]. *Vestnik Cheliabinskogo universiteta. Ser. 1. Istorii*, 1, 96–108.

Chernyaeva, Yu. G., & Zamanova, I. F. (2021). Zhanry utopii i antiutopii: genesis i razvitie [Genres of Utopia and Dystopia: Genesis and Development]. In S. V. Bepalova (Ed.), *Donetskie chteniia 2021: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Donetsk, 26–28 oktiabria 2021 g.)* [Donetsk Readings 2021: Education, Scholarship, Innovation, Culture and Challenges of Our Time. Proceedings of the VI International Scholarly Conference (Donetsk, October 26–28, 2021)] (Vol. 4: Filologicheskie nauki [Philological Studies], Pt. 1 : Inostrannaia filologiia [Foreign Philology], pp. 177–181). Donetsk: DonNU.

Chernysheva, T. A. (1984). *Priroda fantastiki* [Nature of Sci-Fi]. Irkutsk: Irkutsk University Press.

Chertkova, E. L. (1993). Utopiia kak tip soznaniia [Utopia as a Type of Consciousness]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 3, 71–81.

Chertkova, E. L. (1995). Utopiia: assimiliatsiia budushchego ili annigiliatsiia nastoiashchego [Utopia: Assimilation of the Future or Annihilation of the Present]. In V. A. Lektorsky, & T. I. Oizerman (Eds.), *Teoriia poznaniia* [Theory of Knowledge] (Vol. 4, pp. 308–326). Moscow: Mysl'.

Chertkova, E. L. (1996). Spetsifika utopicheskogo soznaniia i problema ideala [The Specificity of Utopian Consciousness and the Problem of the Ideal]. In V. A. Lektorsky (Ed.), *Ideal, utopiia i kriticheskaiia refleksiiia* [Ideal, Utopia and Critical Reflection] (pp. 156–187). Moscow: Rosspen.

Chertkova, E. L. (2021). Ot “gosudarstva razuma” k “obshchestvu znaniia”. Sud'ba utopii v sovremennom mire [From the “State of Reason” to the “Society of Knowledge”. The Fate of Utopia in the Modern World]. In T. S. Paniotova (Ed.), *Utopicheskie proekty v istorii kul'tury: materialy III Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii* [Utopian Projects in the History of Culture: Materials of the III All-Russian Scholarly Conference (with International Participation)] (pp. 29–37). Rostov-on-Don; Taganrog: South Federal University.

Dushenko, K. V. (2021). Nauchnaia fantastika: sovremennaia utopiia ili istoriia budushchego? [Science Fiction: Modern Utopia or a History of the Future?]. In S. A. Gudimova (Ed.), *Fenomen utopii v obshchestvennom soznanii i kul'ture* [The Phenomenon of Utopia in Public Consciousness and Culture] (pp. 132–164). Moscow: INION RAN.

Ivanova, T. S. (2021). Ot utopii k antiutopii: stanovlenie zhanra [From Utopia to Dystopia: The Formation of the Genre]. In N. V. Kormilina, & N. Yu. Shugaeva (Eds.), *Voprosy zarubezhnoi filologii v kontekste sovremennykh issledovani: sbornik nauchnykh statei XXX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Issues of Foreign Philology in the Context of Contemporary Research: Collection of Scholarly Articles of the XXX International Scholarly and Practical Conference] (pp. 397–401). Cheboksary: I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University.

Kagarlitsky, Yu. I. (1974). *Chto takoe fantastika?* [What is Science Fiction?] Moscow: Khudozhestvennaia literatura.

Kirvel, Ch. S. (1989). *Utopicheskoe soznanie: sushchnost', sotsial'no-politicheskie funktsii* [Utopian Consciousness: Essence, Socio-Political Functions]. Minsk: University Press.

Kirvel, Ch. S. (2000). Paradoksy utopicheskogo soznaniia [Paradoxes of Utopian Consciousness]. In T. V. Artem'eva, & M. I. Mikeshin (Eds.), *Filosofskii vek. Al'manakh* (Vol. 13: Rossiiskaia utopiia epokhi Prosveshcheniia i traditsii mirovogo utopizma [The Russian Utopia of the Enlightenment and the Traditions of World Utopianism], pp. 84–93). St Petersburg: Sankt-Peterburgskii Tsentri istorii idei.

Kolomiitseva, E. Yu. (2001). *Formirovanie zhanrovoi problematiki i poetiki literaturnoi antiutopii v khudozhestvennoi proze russkikh pisatelei XIX veka* [The Formation of Genre Problems and Poetics of Literary Dystopia in the Artistic Prose of Russian Writers of the 19th Century] (doctoral dissertation abstract). Stavropol.

Koz'mina, E. Yu. (2005). *Poetika romana-antiutopii* [Poetics of the Dystopian Novel] (doctoral dissertation abstract). Moscow.

Lisyutkina, L. L. (1987). Diskussiiia po problemam utopii v FRG. (Obzor) [Discussion on the Problems of Utopia in Germany. (Overview)]. In V. A. Chalikova (Ed.), *Sotsiokul'turnye utopii XX v.* [Sociocultural Utopias of the 20th Century] (Vol. 4, pp. 98–128). Moscow: INION RAN.

Lysenko, O. A. (2019). Perekhod ot utopii k antiutopiiam [The Transition from Utopias to Dystopias]. In A. B. Cheremisin (Ed.), *Natsional'nyi forum molodykh issledovatelei: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [National Forum of Young Researchers. Collection of Articles of the International Scholarly and Practical Conference] (pp. 148–151). Petrozavodsk: Mezhdunarodnyi tsentr nauchnogo partnerstva "Novaia nauka".

Morson, G. (1991). Granitsy zhanra [The Boundaries of Genre]. In V. A. Chalikova (Ed.), *Utopiia i utopicheskoe myshlenie: Antologiiia zarubezhnoi literatury* [Utopia and Utopian Thinking: An Anthology of Foreign Literature] (pp. 233–251). Moscow: Progress.

Paniotova, T. S. (2004). *Utopiia v prostranstve dialoga kul'tur* [Utopia in the Space of Cultural Dialogue]. Rostov-on-Don: Rostov University Press.

Pavlova, O. A. (2004). *Metamorfozy literaturnoi utopii: teoreticheskii aspekt* [Metamorphosis of Literary Utopia: Theoretical Aspect]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo.

Pavlova, O. A. (2006). *Russkaia literaturnaia utopiia 1900–1920-kh gg. v kontekste otechestvennoi kul'tury* [Russian Literary Utopia of the 1900s–1920s in the Context of National Culture] (Habilitation dissertation abstract). Volgograd.

Pokotylo, M. V. (2012). Zhanr antiutopii: sovremennaia problemnaia paradigma [Genre of Dystopia: Modern Problematic Paradigm]. *European Social Science Journal = Evropeiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*, 7, 167–173.

Sabinina, O. B. (1989). *Zhanr antiutopii v angliiskoi i amerikanskoi literature 30–50-kh godov XX veka* [Genre of Dystopia in the English and American Literature of the 1930s–1950s] (doctoral dissertation abstract). Moscow.

Shadursky, M. I. (2007). *Literaturnaia utopiia ot Mora do Khaksl'i: problemy zhanrovoi poetiki i semiosfery* [Literary Utopias from More to Huxley: Issues of Genre Poetics and Semiosphere]. Moscow: Izdatel'stvo LKI.

Shishkina, S. G. (2009). *Istoki i transformatsii zhanra literaturnoi antiutopii v XX veke* [Origins and Transformations of the Literary Dystopia Genre in the 20th Century]. Ivanovo.

Sizov, S. S. (1988). *Utopiia i obshchestvennoe soznanie: filosofsko-sotsiologicheskii analiz* [Utopia and Public Consciousness: Philosophical and Sociological Analysis]. Leningrad: Izd-vo LGU.

Szacki, J. (1990). *Utopiia i traditsiia* [Utopia and Tradition]. Moscow: Progress.

Timofeeva, A. V. (1995). *Zhanrovoe svoebrazie romana-antiutopii v russkoi literature 60–80-kh gg. XX v.* [Genre Originality of the Dystopian Novel in the Russian Literature of the 1960s–1980s] (doctoral dissertation abstract). Moscow.

Амелина Анна Вячеславовна
младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Москва, Ленинский пр., 32-А
E-mail: Anna.v.amelina@mail.ru

Amelina, Anna Vyacheslavovna
Junior Researcher
Institute of Slavic Studies, Russian Academy
of Sciences
32-A, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia
Email: Anna.v.amelina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2700-1076>
WoS ResearcherID: P-7530-2014